

В кабинете Сяо Юйшань сидел с прямой спиной, явно намереваясь обсудить серьёзные дела. Однако Ань Фэн чувствовал, что всё это крайне необычно. Он знал, что иногда, чем спокойнее поверхность, тем больше опасность быть втянутым в подводные течения. В Сяо Юйшане всегда было полно коварства, и за долгие годы службы Ань Фэн не раз попадал из-за него в неприятности.

Сяо Юйшань, вопреки своему обычному поведению, предложил Ань Фэну сесть, словно собирался поболтать о бытовых делах:

— Несколько дней назад, когда вы, господин Ань, посещали дворец, мы с вами обсуждали, что ваш единственный сын всё ещё не женат.

Ань Фэн как раз делал глоток чая и, услышав это, чуть не выплюнул напиток:

— Мой отец... мой отец не знает о моём стремлении к достижениям и славе...

— Сначала создай семью, потом строй карьеру. — Сяо Юйшань улыбался, глядя на него, и его выражение лица было удивительно похоже на Чу Циюня. — У меня есть младшая сестра, которой исполнилось шестнадцать лет, и она идеально вам подходит.

Ань Фэн был потрясён и поспешно встал, поклонившись императору несколько раз:

— В прошлый раз ваше величество изволили сказать, что можно подождать ещё два года, пока я не добьюсь успехов, прежде чем обсуждать вопрос о браке.

Оказалось, что Сяо Юйшань всё это время водил его вокруг да около, ожидая именно этих слов:

— В таком случае я дам вам прекрасную возможность.

— Дело о руднике Сяошань, осмелитесь ли вы взяться за него? — Сяо Юйшань внезапно стал серьёзным, его взгляд загорелся, полный решимости.

— Я, конечно же, осмелюсь. — Ань Фэн не колеблясь ни секунды, сразу же поклонился, отвечая решительно и чётко.

Е Вэньцин в одиночку расследовал это дело, и это было крайне опасно. Никто не знал, вернётся ли он живым в следующий раз. Ань Фэн согласился на это сложное дело, чтобы защитить его.

— Древние говорили, что сын, стоящий тысячи золотых, не должен подвергать себя опасности.

Сяо Юйшань не ожидал, что Ань Фэн будет так решителен, готовый рисковать жизнью ради мелкого чиновника из бедной семьи.

— Ань Фэн, вы не похожи на Е Вэньцина, вы действительно уверены в своём решении?

— Моё решение неизменно. — Ань Фэн был твёрд, как камень, и ни на йоту не сомневался, но в его сердце всё же оставалось сомнение. — Однако, ваше величество, вы ранее говорили, что не позволите мне участвовать в этом деле. Почему теперь изменили своё решение?

— Это потому что... — Сяо Юйшань едва не сорвался, сказав что-то о сватовстве, но вовремя остановился, прочистил горло и продолжил:

— Это потому что я хочу уравновесить силы при дворе. Вы — мой доверенный человек, и я должен отправить вас объединиться с сыном бедной семьи.

Говоря это, Сяо Юйшань думал совсем о другом, например, о том, чтобы устроить брак между Ань Фэном и сыном бедной семьи. Однако, как император, он не мог позволить себе шутить на эту тему, чтобы не потерять авторитет, поэтому сохранял серьёзное выражение лица.

Один Е Вэньцин не смог бы справиться с таким делом, как противостояние князю Цзиньяну. Раз уж Ань Фэн так хотел быть с Е Вэньцином, Сяо Юйшань с радостью позволил ему стать его опорой.

Ночь весны наступила внезапно, и в покоях царила тёплая атмосфера.

Чу Циюнь обнял Сяо Юйшаня и крепко спал. Возможно, из-за весенней усталости Сяо Юйшань тоже спал крепко, явно забыв о времени.

Внутри покоев царила уютная атмосфера, но это сильно беспокоило стражников за дверью. Евнух Ван, глядя на постепенно светлеющее небо, всё больше хмурился, думая, что император ещё не дал указаний и, возможно, уже опаздывает.

Если слуги, которые должны помочь ему одеться и привести себя в порядок, придут, а Чу Циюнь всё ещё будет в покоях, это будет крайне неловко для всех.

Думая так, Ван решился и постучал в дверь три раза, с трудом переступая порог.

Золотая ширма отделяла внутреннюю часть покоев от внешней, и Ван осторожно обошёл её, остановившись за занавеской из бус. Он не мог видеть, что происходит внутри, и лишь осмелился тихо произнести:

— Ваше величество...

Чу Циюнь уже почти проснулся и, услышав этот голос, вздрогнул, чуть не вытолкнув из объятий Сяо Юйшаня. От этого Сяо Юйшань наконец проснулся, нахмурившись, и спросил:

— Что ты ещё хочешь после всей ночи?

Его голос был негромким, но достаточно громким, чтобы его услышали и внутри, и снаружи. Чу Циюнь оставался спокойным, но Ван за занавеской уже покрылся холодным потом, не зная, стоит ли напомнить, что время уже поджидает.

Чу Циюнь, оценив, что время уже позднее, предположил, что Ван хотел напомнить об этом, и, наклонившись к уху Сяо Юйшаня, тихо сказал:

— Ваше величество, я откланиваюсь.

Тёплое дыхание коснулось уха Сяо Юйшаня, вызывая лёгкий зуд. В полусонном состоянии он схватил рассыпавшиеся волосы Чу Циюня и невнятно пробормотал:

— А я разрешил?

— Просто время уже позднее. — Чу Циюнь продолжал улыбаться, думая, что Сяо Юйшань всё ещё может быть таким игривым, словно вернулся в прошлое.

Однако, даже если ему нравилось это зрелище, боль в голове от того, что его волосы дёргали,

заставила его потратить немало усилий, чтобы освободиться.

Когда Чу Циюнь вздохнул, Сяо Юйшань вдруг рассмеялся, уткнувшись лицом в подушку, явно довольный.

— Ну, ты решил подшутить надо мной. — Чу Циюнь всегда следовал принципу «око за око» и, прижав Сяо Юйшаня к кровати, собирался отомстить.

— Я оставил тебя на ночь, это твоя удача. Какой ещё счёт ты хочешь свести? — Сяо Юйшань боялся, что он зайдёт слишком далеко, но не мог унизиться, чтобы попросить пощады, и вдруг сказал с напускной важностью:

— Ну же, уходи!

Чу Циюнь, услышав это, не только не ушёл, но и придвинулся ещё ближе:

— Как говорится...

— «Ты — моя прекрасная супруга, а годы текут, как вода... Терпи и наслаждайся этой ночью».

Сяо Юйшань прекрасно понимал, что это значит, и, хотя смотрел на Чу Циюня с укором, его глаза сверкали, полные смеха и нежности:

— Говорят, есть монахи, которые любят женщин, а ты — тот самый монах!

Чу Циюнь, лежа рядом с ним, опираясь на руку, смотрел на него с нежностью, полной очарования, что полностью соответствовало словам Сяо Юйшаня. Однако Чу Циюнь не соглашался с этим «титолом» и начал спорить:

— Нет, нет, моя фамилия — Чу.

Внутри царил атмосфера любви и нежности, но Вана за занавеской это сильно беспокоило. Если прервать их, это будет испорченный момент, но если позволить им продолжать, время не ждёт.

Между двух огней Ван прочистил горло и слегка кашлянул. Сяо Юйшань наконец понял, что кто-то уже давно стоит снаружи, и ему стало немного неловко. Он толкнул Чу Циюня в плечо и тихо спросил:

— Почему ты не предупредил меня?

Чу Циюнь выглядел невинно и лишь сказал:

— Я только что предупреждал, но ты воспринял это как шутку. Почему теперь ты меня упрекаешь?

Сяо Юйшань не хотел тратить время на споры с этим мастером словесных уловок и, завернувшись в одеяло, повернулся к нему спиной, явно намекая, что пора уходить:

— Ну, иди уже.

Чу Циюнь взглянул на окно, увидев, что рассвет уже близок, и поспешил одеться.

Ван всё ещё ждал снаружи, и Чу Циюнь, раздвинув занавеску, вышел, спокойно поклонившись,

без тени смущения от того, что его застали в таком положении. Если сам хозяин не стесняется, то и Ван не чувствовал неловкости, поклонившись в ответ и проводив Чу Циюня.

Сяо Юйшань не стал упрекать Вана, лишь не упомянул о произошедшем, привёл себя в порядок и отправился на утренний приём.

Дело о руднике Сяошань было полным загадок. Ещё не успели выяснить причины бунта, как добавилось новое событие — исчезновение чиновника. На утреннем приёме разгорелись споры. Перед всеми чиновниками сын князя Цзиньаня, Сяо Юйцун, сам вызвался расследовать дело:

— Исчезновение чиновника и дело о бунте произошли по моей недосмотренности. Я сам берусь расследовать это дело и надеюсь искупить свою вину.

Бунт на руднике Сяошань произошёл внезапно, а затем выяснилось, что руда исчезает. Все эти события были связаны с князем Цзиньанем, который управлял этим регионом, и его сын тоже был замешан. Если поручить ему расследование, это дело, скорее всего, станет нераскрытым или же будут найдены козлы отпущения.

Железная руда использовалась для производства оружия, что было крайне важно, и здесь нельзя было допустить ошибок. Князь Цзиньань пользовался доверием предыдущего императора и управлял рудником Сяошань долгие годы. Если бы он захотел скрыть что-то, никто бы не заметил. Если бы не внезапный бунт рабочих и случайное обнаружение правды Е Вэньцином, неизвестно, как долго эти дела оставались бы скрытыми.

9: Как цветущая красавица (нижняя часть) — Часть 9: Прекрасная супруга (нижняя часть)

<http://bllate.org/book/16210/1455367>